

Примечаниями следовало оговорить и те места авторского текста, которые редакция изменила, по-видимому, сочтя недостаточно «пристойными», — например, легенда о Мафе и Деде (стр. 169 книги, ср. 260-е страницы рукописи).

Издав рукопись Г. Ф. Чурсина, Абхазский научно-исследовательский институт сделал полезное, нужное всем этнографам дело. Это дело следовало бы продолжить — и не только первичной публикацией, но и переизданием малодоступных материалов по этнографии абхазов. Так, разбросанные в газетах «Кавказ», «Дрозда» и в других изданиях статьи С. Пушкарева, К. Чернышева, И. Аверкиева, Ф. Завадского и ряда других авторов XIX в. могли бы быть сведены в один этнографический сборник.

Публикация работы Г. Ф. Чурсина заставляет задуматься и о другом. Не пора ли Институту этнографии АН СССР ускорить издание рукописного наследия другого этнографа-кавказоведа — Е. М. Шиллинга.

Я. Смирнова

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ТАДЖИКСКОГО ФОЛЬКЛОРА¹

В связи с декадой таджикской литературы и искусства в Москве в последние месяцы 1956 г. вышел из печати ряд интересных изданий по таджикскому фольклору, свидетельствующих о том, что за последние годы в Таджикистане развернулась значительная работа по систематическому и планомерному сбору и публикации материалов таджикского народного творчества. Особенно радует тот факт, что в Таджикистане выросли квалифицированные кадры фольклористов.

Составитель книги «Эҷодиёти даҳанакии аҳолии Кулоб» («Устное творчество населения Куляба») Раджаб Амонов в течение ряда лет работал по сбору фольклора в районах бывшей Кулябской области и в данной книге публикует часть своих материалов. К сожалению, он дал к книге слишком краткое предисловие, которое никак не может удовлетворить читателя.

Книга делится на три части.

Часть первая — 1. Четверостишия — наиболее распространенный вид народной поэзии. Все четверостишия разбиты автором по содержанию на следующие разделы: разлука, любовь и семейные отношения; жалобы на угнетение и бедность; разные — всего 619 четверостиший. В ряде случаев составитель сопоставляет кулябские образцы с образцами, записанными в других районах Таджикистана (например из сборника, опубликованного Мирзо Турсун-заде и А. Н. Болдышевым, «Фольклори тоҷик», Сталинабад, 1954); однако далеко не все опубликованные сборники таджикского фольклора использованы составителем (например на сборник «Намунаҳои фольклори Дарвоз», материалов, сходных с дарвазскими); 2. Двустихия; 3. Стихи; 4. Песни и дуэты; 5. Комические, детские и обрядовые песни. К сожалению, этот интересный материал по дореволюционному, в основном песенному, фольклору дан лишь в образцах, хотя на нем следовало бы остановиться в предисловии.

Часть вторая — советский фольклор. Сюда вошли четверостишия советского периода, дуэты, стихи местных поэтов. Много новых, интересных материалов, ранее не публиковавшихся, посвященных новой колхозной жизни, учебе, новым отношениям среди молодежи.

Часть третья посвящена другим жанрам фольклора и состоит из двух разделов: 1. Загадки; 2. Пословицы и поговорки. В конце книги даны примечания, главным образом сведения о местных поэтах и лицах, от которых были сделаны записи, и словарь местных слов.

Приятное впечатление оставляет небольшая книжка загадок («Чистонҳо»). В предисловии сказано, что хотя она рассчитана на широкий круг читателей, тем не менее книга преследует и научные цели.

Составители (Р. Амонов и Я. Калонтаров) разбили все загадки на восемнадцать групп: земля, небо, животные, птицы, насекомые, дикie травы, культурные растения, части человеческого тела, еда, одежда и т. д. Всего в книге собрано 456 загадок, как из ранее вышедших изданий, так и записанных авторами в различных районах Таджикской ССР. Два последних раздела книги составляют сказки-загадки и шуточные загадки на вычисление. Часть загадок, по-видимому, является переводом с русского языка. В конце сборника дан алфавитный указатель ответов на загадки со ссылкой на номер загадки. Особо хочется отметить работу художника Б. Журкина, снабдившего книгу выразительными иллюстрациями к каждому разделу загадок. Интересно оформлена и обложка книги — она ярко-желтого цвета, с фигуркой задумавшегося мальчика в тибетейке.

¹ «Эҷодиёти даҳанакии аҳолии Кулоб», ч. 1, составитель Р. Амонов, редактор А. М. Мирзоев, Сталинабад, 1956, стр. 240; «Чистонҳо», собиратели и составители Р. Амонов и Я. И. Калонтаров, Сталинабад, 1956, стр. 133; «Зарбулмасал ва маҳолҳои тоҷикӣ», собиратель и составитель В. Асрори, редактор Мирзо Турсун-заде, Сталинабад, 1956, стр. 99; Низам Нурджанов, Таджикский народный театр (по материалам Кулябской области), редактор Н. А. Кисляков, М., 1956, стр. 337.

Составителем книги пословиц и поговорок («Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ») является молодой таджикский фольклорист Вахид Асрори, автор ряда исследований о советском фольклоре, явившемся также и темой его кандидатской диссертации. Книге предпослано предисловие, в котором В. Асрори останавливается на значении пословиц и поговорок, приводит ряд примеров употребления пословиц в художественной литературе, в частности в произведениях Садреддина Айни, кратко останавливается на форме пословиц и поговорок. Материал в книге разбит на три раздела: 1. Пословицы и поговорки советского периода; 2. Пословицы и поговорки дореволюционные; 3. Изречения классических поэтов.

Несколько спорным представляется подбор весьма неоднородного материала в первом разделе. Сюда вошли лозунги партии, высказывания В. И. Ленина, А. М. Горького, а также пословицы и поговорки, переведенные с русского языка, например «Одна голова хорошо, а две — лучше», «И на нашей улице будет праздник», «Дважды два — четыре», «Волка не за то бьют, что он сер, а за то, что он овцу съел» и т. п. Возникает вопрос, правомерно ли включение этих пословиц в сборник таджикских пословиц? Известны ли они в народе и если да, то насколько широко они бытуют?

Второй раздел — основную часть книги — составляют дореволюционные пословицы и поговорки. Здесь помещено свыше 1100 пословиц и поговорок, значительная часть которых публикуется впервые. Данное собрание пословиц является самым обширным из всех, изданных до настоящего времени. Большая часть пословиц и поговорок являются очень меткими и выразительными и широко бытуют в народе, в художественной и публицистической литературе. К сожалению, почти не существует исследовательских работ по таджикским пословицам и поговоркам, богатейшей идеоматике, крылатым словам и выражениям. И в данном собрании вперемежку с пословицами помещены многие крылатые слова, которые следовало бы выделить особо; например «гурги борондида» (волк, видевший дожди; соответствует русскому «стреляный воробей») или «касмахару касмаёб» (неходовой товар), «сертараддуи камкор» (суетлив, но не работает).

Все пословицы и поговорки даны в общем алфавитном порядке. Несомненно, что классификация пословиц по содержанию представляет очень большие затруднения, но все же таджикским фольклористам пора заняться этим и отказаться от старой традиции публикации подобных материалов в алфавитном порядке. Нам также представляется, что ряд поговорок и пословиц, связанных с дореволюционными социальными отношениями, со старым феодальным укладом и бытом, необходимо более подробно комментировать. Ведь для современной молодежи многое уже будет непонятным, отжившим, и ей следует помочь в этом разобраться.

Поговорок, относящихся к старому быту, к старым дореволюционным отношениям, существует значительное количество, особенно поговорок, созданных в среде угнетенных классов: «Бедават агар кишт кунад об наёбад, бодаватро киштату нокишта — баробар» (Бедняк посетит — не найдет воды; богачу все равно [вода будет] — посетит ли он, или нет); «Бой пушад муборак бошад, камбагал пушад — азкучо ёфти?» (Богатый наденет [новое платье] — пусть будет благословенно, бедный наденет — откуда взял?)². Ряд пословиц и поговорок направлен против невежественного и жадного духовенства, но особенно много их сложено о труде и трудолюбии, о том, что всякий полезный труд приносит плоды: «Санги даркорӣ вазинӣ надорад» (Нужный камень не бывает тяжелым); «Меҳнат бе роҳат на мешавад» (Труд не бывает без отдыха); «Тобистон таги соя, замистон — ба хонаи Ҷамсоя» (Летом в холодке — зимой в доме соседа).

У таджикского народа, обладающего древней высокоразвитой культурой, существует множество пословиц о пользе знаний, пословиц, в которых высмеивается невежество, тупость, леность и другие пороки: «Доно ба иморати сухан машгуласт, нодон ба иморати бадан» (Ученый занят постройкой слов, невежда занят своим телом); «Дарс агар мушкил бувад, нофа, мро хоб орад» (Когда урок труден, тупицу начинает клонить в сон). Много пословиц посвящено дружбе, товариществу, любви: «Сад дуст кам аст, як душман бас» (Сотни друзей мало, одного врага достаточно). Можно указать много тем, по которым легко сгруппировать таджикские пословицы и поговорки. Конечно, при этом всегда будет присутствовать элемент субъективизма составителя, но этого бояться не следует.

Третий раздел сборника составляют изречения поэтов-классиков, ставшие ходовыми в народе и современной литературе. В алфавитном порядке по первой букве стиха приведены 97 двустиший Рудаки, Фердоуси, Саади, Хафиза, Низами, Камоля Худжаиди, Насира Хисрава, Сайидо.

В издательстве Академии наук СССР вышла книга Н. Нурджанова «Таджикский народный театр». Эта монография содержит богатейший материал, собранный автором в горных районах Таджикистана. Наибольший интерес представляет третья глава книги — «Народные театрализованные представления», являющаяся ее центральной частью, написанная на основании личных записей и наблюдений автора в бывшей Кулябской области и сопредельных с ней районах. Все народные пьесы-фарсы автор по их содержанию делит на четыре группы: 1) пьесы, изображающие охоту на птиц, животных; 2) пьесы, изображающие различные производственные процессы; 3) комические бытовые сценки, главным образом высмеивающие духовенство; 4) театрализо-

² Второй поговорки в сборнике нет.

ванная передача юмористических рассказов и сказок. Н. Нурджановым впервые с такой полнотой освещен один из наименее изученных вопросов таджикского народного искусства и народного творчества. Он отмечает, что эти пьесы являются произведениями народными, написанными неизвестными авторами и непрерывно дополняемыми исполнителями и даже зрителями, так как между актерами (масхарабозами) и зрителями существует тесная связь. Автор очень убедительно раскрывает социальную направленность этих произведений. В конце книги помещены тексты тридцати пьес с вариантами и с переводом на русский язык, представляющие самостоятельную ценность, как образцы особого жанра народного творчества таджиков. Монография Н. Нурджанова является ценным вкладом в советское искусствознание и фольклористику.

А. З. Розенфельд

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

НОВЫЕ РАБОТЫ ХРИСТО ВАКАРЕЛЬСКОГО

Работы Христо Вакарельского, одного из лучших знатоков болгарского народного быта и в особенности материальной культуры болгарских крестьян, привлекают законное внимание этнографов. В последнее время вышли в свет интересные статьи Вакарельского, посвященные двум различным историко-этнографическим областям Болгарии — Добрудже и Панагюриштской околии (район Среднегория).

Добруджа расположена на северо-востоке Болгарии. По природным условиям — это всхолмленная равнина, изборозженная длинными пологими балками, в которых располагаются села. Почвы очень плодородны, но область страдает недостатком влаги.

В Добрудже большинство населения составляют болгары. Кроме них здесь живут гагаузы, румыны, русские (липоване), турки, татары, цыгане и др. Само болгарское население неоднородно по своему происхождению. Наряду со старым местным населением, живущим здесь издавна, в Добрудже много переселенцев из различных районов страны, которые численно преобладают. Многие из них можно считать уже старожилками, так как переселение в Добруджу началось еще в XIX в. — до освобождения от турецкого ига; закончилось оно в нашем столетии.

Пестрота населения, сложные исторические судьбы Добруджи и пограничное ее положение наложили отпечаток на быт и культуру населения. Добруджа представляет собой своеобразную этнографическую область Болгарии, где разное по происхождению болгарское население с течением времени выработало в своем быту сходные характерные черты. Этнографическое изучение Добруджи вызывает большой интерес также и потому, что после 9 сентября 1944 г. здесь произошли серьезные изменения в быту, связанные с коренной перестройкой хозяйства на кооперативных началах, механизацией сельскохозяйственного производства и водоснабжения, широким применением электричества в экономике и в быту.

В 1954 г. в Добруджу была направлена комплексная экспедиция Болгарской Академии наук — одна из тех ежегодных экспедиций, которые, начиная с 1953 г., предпринимает Отделение изобразительных искусств и культуры БАН, проводя рекогносцировочные исследования в различных областях страны. В составе экспедиции находятся архитекторы, этнографы, искусствоведы и другие специалисты.

Первая из рецензируемых статей Хр. Вакарельского представляет собой краткий отчет о результатах работы автора в экспедиции¹. Вакарельский кратко описывает основные особенности материальной культуры Добруджи, сложившиеся к 1941 г. — времени его первого исследования этой темы, попутно отмечая те изменения, которые произошли к 1954 году.

Известно, что Добруджа была областью Болгарии, где капиталистические отношения в сельском хозяйстве развились в наибольшей степени. Развитие капитализма сопровождалось техническим прогрессом. Те краткие сведения, которые имеются в статье Вакарельского, показывают, что в Добрудже при капитализме в сельскохозяйственной технике произошли гораздо большие изменения, чем в других областях страны. Так, например, деревянное рало, которым во многих местах Болгарии крестьяне пользовались вплоть до последнего времени и которое по сей день бытует еще в некоторых единоличных хозяйствах в качестве основного пахотного орудия, в Добрудже было оставлено еще в конце XIX века (см. стр. 30—32). Деревянный плуг бытовал несколько дольше, но и он в начале XX века уступил место железным плугам фабричного производства.

Однако другие стороны материальной культуры, не связанные непосредственно с товарным зерновым хозяйством, сильно отставали в своем развитии. Сохранились, например, примитивные колодцы, схожие с теми, которые, по словам автора, существовали еще во времена позднего болгарского средневековья (т. е. до турецкого завоева-

¹ Хр. Вакарелски, Битовата веществена култура в Добруджа и промените в нея през последните десетилетия, Сб. «Комплексна научна Добруджанска експедиция през 1954 година. Доклади и материали», София, 1956.